

КУЛЬТУРА

Арсений Замостьянов,
кандидат филологических наук

А.В. СУВОРОВ — ПРАВОСЛАВНЫЙ ВОИН

(Окончание. Начало материала см. в № 1
«Основ православной культуры»)

Православная этика оставалась «краеугольным камнем» жизненной системы Суворова — солдата и богомольца. Репутация благочестивого генерала позволила уже его современникам называть полководца русским архистратигом Михаилом. Да, Суворов был героем православной России, молитвенным генералом, который построил свою идеологию на началах патриотизма и христианской человечности. Противоречивость этого сплава — солдат и богомolec — осознавалась Суворовым. В анекдоте о последнем пребывании Суворова в чешской Праге полководец сам признаётся в том, что проливал кровь, и сожалеет об этом обстоятельстве. Но военный гений Суворова был

направлен на достижение победы при наименьшем кровопролитии. Солдат и богомolec в ужасе отшатывался от предложения понапрасну проливать чью-либо кровь, утверждая нравственные ценности в военных кругах. Перед итальянской кампанией 1799 года, анализируя боевой путь и идеологию французских генералов, Суворов заметил: «Не довольно знать воинские достоинства неприятельских военачальников. Надобно знать и их нравственность». Суворову была необходима уверенность в том, что его политические противники — проконсулы французской Директории — есть «кровопийцы разбойничьего вертепа». Французская революция представлялась Суворову «гиеной», ибо её

КУЛЬТУРА

вожди посягнули не только на помазанников Божьих — монархов, но и на сами Божьи храмы. Во Франции и на иных европейских маршрутах революции храмы осквернялись, а нередко преобразовывались в неоязыческие святилища вроде «храма богини Разума», в который превратили собор Парижской Богоматери. Суворов с ужасом читал сообщения о том, как в парижских храмах проходили церемонии нового культа. Решение Генерального совета коммуны от 23 ноября 1793 г. гласило: «Все существующие в Париже церкви или храмы всех без исключения культов будут немедленно закрыты». Культ «Верховного Существа», провозглашённый Робеспьером, напоминал Суворову масонскую риторику, олицетворённую «злым гением полководца» Репниным... Суворов не мог забыть этого святотатства и в 1799 году, когда Директория под влиянием народного мнения несколько смягчила отношение к Церкви. В 1799 году немецкий автор писал о Суворове, определяя идеологию Итальянского похода: «Исполняя все должности своей религии с ревностью и благочестием, могущими посрамить нынешних наших безбожников, когда говорит он о своих победах, всегда приписывает

их Творцу всяческих благодеяний. Ненавидя нечестивую философию, порождающую одно только беззаконие и возмущение против государей, кои суть образ Божества, в Варшаве низложил он сию французскую мечту в ту минуту, когда Север был близок пасть под её бременем». Опыт XX века показал бессмысленность интервенции, несмотря на всевозможные благородные цели. Закономерно, что к окончательной победе над Францией Россия пришла, когда война приобрела для наших дедов характер освободительной, народной, отечественной. Но без рыцарского суворовского поединка с «гиеной» не было бы и бородинского подвига, и других славных побед 1812–1814 годов. Армия была воспитана Суворовым. До поры до времени этого не желал понимать император Павел, сторонник прусских порядков в армии.

1798 год. Кончанское. Опальный Суворов пишет государю: «Всепресветлейший Державнейший Великий Монарх!

Вашего Императорского Величества всеподданнейше прошу позволить мне отбыть в Нилову Новгородскую пустынь, где я намерен окончить мои краткие дни в службе Богу. Спаситель наш один безгрешен. Неумышлен-

ности моей прости, милосердный Государь. Повергаю себя к освящённейшим стопам Вашего Императорского Величества.

Всепопданнейший богомолец, Божий раб Граф Александр Суворов-Рымникский».

Так самоопределялся Суворов в 1798 году. И не страшился поучать более молодого Государя: «Спаситель наш один безгрешен». Привык фельдмаршал приучать молодёжь к православному благочестию. И не куда-нибудь, а в центр духовных подвигов, в Нилову пустынь просился старик Суворов. Он давно анонимно помогал братии, освящённой мощами преподобного Нила Столобенского. Но не получилось стать монахом. Богомолец ещё должен был послужить солдатом. Его ждал Итальянский поход, после — Швейцарский.

Не прошло и двух лет после просительного письма Павлу, и Суворов уже писал «Канон Спасителю и Господу нашему Иисусу Христу». Суворов составлял канон в феврале 1800 года — ослабевшая рука водила пером. Вместе с XVIII веком завершался и суворовский земной век. Из памяти смертельно больного Суворова не исчезал покаянный Канон преподобного Андрея Критского, многие

ирмосы которого Суворов повторил слово в слово. Мы приводим песнь первую и финал суворовского канона:

«Канон спасителю и господу нашему Иисусу Христу, составленный графом Александром Васильевичем Суворовым-Рымнинским

Песнь 1

Ирмос: Шествующий Израиль сквозь морскую пучину, не коснувшийся водам своими стопами, воспел хвалу Избавителю своему: аз же, яко брение, Создателю моему дерзаю глаголати органом души сицевое славословие: Аллилуйя.

Припев: Помилуй мя, Боже, помилуй мя!

Отверзаю уста моя к пению славы и милосердия Твоего, Господи, испытываю сердце и душу мою, и вем, яко ни едино слово довольно к пению чудес Твоих. Но ты, яко Человеколюбец, не возгнушайся моих словес и услыши мя вопиюща:

Помилуй мя, Боже, помилуй мя!

Прогневляя Тебя, Всевышнего, ежечасно, кто не ужаснётся праведного суда Твоего, и кто не осудит сам себя на казнь вечную? Но по неизмеримой пучине милосердия Твоего прибегаю к чистому покаянию, единому

КУЛЬТУРА

средству, в уповании Твоея, Господи, милости.

Слава:

От утробы матери моя тайною святого крещения омывая прародительский грех, обещался Тебе, Владыко, ходить по стопам заповедей Твоих, но совлёкшись с истинного пути, проработав греху и осквернив одежду спасения моего, не смею взирати на небо, но Ты, яко милосерд, услыши мя!

И ныне:

К Тебе, Мати Господа моего, обращаю молитву мою, яко к Ходатаице у Творца моего, принеси её ко Господу, да будет она яко жертва чиста пред страшным Его престолом. «...»

Воздевая к Тебе, Богу моему, руки мои поклоняюся Тебе сокрушённым сердцем и чистою совестью Создателю моему. Верую и исповедую, яко Ты еси Искупитель мой, и несомненно ожидаю от Тебе спасения моего. Вручаю Тебе душу мою и тело, причти меня угодником Твоим. Сего единого у Тебе прошу и молю, да обрящу.

И ныне:

Сё на умоление предлагаю Тебе, Господи, Матерь Твою Пречистую и всех от века Тебе угодивших, молитва их у Тебе много может, приими ходатай-

ство их за меня недостойнаго; не вем уже, что более Тебе изрещи: Твой есмь аз, спаси мя! Аминь».

Не отступая от традиции, Суворов осторожно вдохнул в слова канона мотивы своей, личной судьбы, неотделимой от церковной жизни.

Своим благочестием духовно близок Суворову адмирал Фёдор Фёдорович Ушаков. Но при ближайшем рассмотрении видна и разница характеров. Фёдор Фёдорович был более простодушным и прямым человеком, чем артистичный Суворов, который не изменял «единству мысли», но поменял немало ярких масок. В ряду других генералов Суворов выделялся солдатской простотой, но всё же он знал политес лучше Ушакова, а ради высокой цели был способен на хитрость. Суворова при дворе считали чудаком и оригиналом, диковатым эксцентриком; доблестный моряк Ушаков казался неотёсанным мужиком. Суворов в отличие от Ушакова не вёл монашеского образа жизни, бывал вспыльчив и своенравен, но приверженность крестьянскому православию сближала героев.

Прославление суворовского соратника и друга — безусловно, большое событие

в посмертной судьбе генералиссимуса. В военном искусстве Ушаков был учеником Суворова, он успешно применял суворовскую науку побеждать на флоте. И Ушаков, и Суворов не знали военных поражений, верили, что Господь не отвернётся от них. Что же до канонизации Суворова — думаю, к этому вопросу следует отнестись без публицистического максимализма. И в нынешнем своём статусе образ Суворова неустанно служит и народу, и Церкви, и государству. Подаёт нам пример веры и верности, патриотического служения народу и благонравия. Интересное рассуждение по вопросу святости Суворова мы находим у В.С. Соловьёва в «Трёх разговорах о войне, прогрессе и конце всемирной истории...»: «Почему, я спрашиваю, Александр Невский, бывший ливонец и шведов в тринадцатом веке, — святой, а Александр Суворов, бывший турок и французов в восемнадцатом, — не святой?»

Ни в чём, противном святости, Суворова упрекнуть нельзя. Он был искренно благочестив, громогласно пел на клиросе и читал с амвона, жизнь вёл безупречную, даже ничьим любовником не был, а юродства его, конечно, составляют не

препятствие, а скорее, лишний аргумент для его канонизации. Но дело в том, что Александр Невский сражался за национально-политическую будущность своего отечества, которое, разгромленное уже наполовину с востока, едва ли бы устояло при новом разгроме с запада, — инстинктивный смысл народа понимал жизненную важность положения и дал этому князю самую высокую награду, какую только мог представить, причислив его к святым.

Ну, а подвиги Суворова, хотя несравненно более значительные в смысле военном, — особенно его Аннибаловский поход через Альпы, не отвечали никакой настоятельной потребности, — спасти Россию ему не приходилось, ну, он и остался только военной знаменитостью». Конечно, персонаж Соловьёва, подающий эту реплику, перебарщивает: значение Суворова уже при жизни полководца не ограничивалось одними военными заслугами. Суворов — корифей русской культуры, и народная тропа к нему никогда не зарастала. Но, конечно, святой, в честь которого Суворов был наречён Александром, спас и сохранил древо православия на Руси — и с этим духовным подвигом трудно сравнивать иные деяния.

КУЛЬТУРА

Немало свидетельств о солдате-богомольце осталось в фольклорных преданиях. Крестыанское православие Суворова вызывало уважение в народе и западало в души, потому что подобный образ жизни был редкостью для аристократов XVIII века. Семейное предание о Суворове записал священник Иоанн Сутокский: «Прадед наш, по матери, священник села Сопин, Боровичского уезда, Новгородской губернии отец Феодор Феофанович Попов был современником А.В. Суворова. То село Кончанское, где родился Суворов, а потом жил, уже будучи фельдмаршалом, в ссылке и опале, — отстояло на 3 с половиной версты от Сопина и считалось в приходе о. Попова. Живя в своём опальном кончанском одиночестве, забытый всеми, Суворов, по рассказам о. Попова, — болел душою и скучал, но как человек совершенно по-русски религиозный, — отчаянию не предавался, а питал себя верою в Бога и надеждою, что в трудную минуту «вспомнят и его, старика». Особенное утешение находил он в посещении церковных богослужений. Хотя и тогда была уже церковь в имении Суворова — Кончанском, им же выстроенная, но причта определённого там никогда положено не было.

Обедни там служил о. Попов, который и ходил для сей цели от села Сопина в Кончанское *per pedis apostolorum*, т.е. по образу пешего хождения. Лошадей не полагалось, быть может, потому, что в то отдалённое время не считалось большим делом пройти три с половиною версты. Люди жили в простоте. В тот день, когда была обедня, Суворов задолго ещё до начала службы поднимался на колокольню и поджидал, когда на зелёном пригорке у деревни Кончанской покажется убогая фигура сельского иерея, в выцветшей скуфейке и сером подряснике, раздуваемом ветром. Тогда Суворов начинал звон к утрени. При входе же священника в церковь с искусством любителя трезвонил «во вся». Во время самого богослужения Александр Васильевич прислуживал священнику в алтаре: подавал кадило, тепло и проч. Любил он также читать на клиросе. Любимым его чтением были «часы», а уж читать «Апостол» он никому не позволял — читал сам. Так великий полководец, бессмертный герой русского оружия, подобно Цинциннату, подавал пример смиренной простоты, исполняя должность церковного причетника.

По окончании обедни Суворов приглашал священника к себе в дом и угощал часто из «зверобоя». «Сей чай, — говорил он, — для желудка, помилуй Бог, сколь большую полезительность имеет, — и настаивал: — Пей, пей, государь милостивый». Угощал иногда Суворов с водочкой, причём на закуску у него полагалась редька, о которой он был также самого высокого мнения.

Словом, Суворов был образцовый любитель простоты во всём образе жизни. По праздникам вечерами он созывал деревенских мальчишек, играл с ними в «бабки», «козлы», а потом оделял их пряниками; девицам и бабам дарил платки, пояса; мужиков же поил водкою. Но, должно быть, прибавим от себя, поил умеренно, потому что кончанские мужики — народ до сих пор трезвый и зажиточный».

Это воспоминание, конечно, можно отнести к разряду идиллий, но идиллий правдивых. Кончанская церковь св. Александра Невского действительно была предметом забот Суворова на протяжении всей ссылки, а священник был самым желанным и почётным гостем в скромном барском доме. История Кончанской церкви началась за несколь-

ко лет до опалы полководца, в счастливые для Суворова последние дни екатерининского правления. В ноябре 1785 года Суворов подал прошение о благословении строительства храма Высокопреосвященному Гавриилу, митрополиту Новгородскому и С.-Петербургскому. Митрополит поручил Боровичскому духовному правлению «осмотреть в доме господина генерала-порутчика и кавалера А.В. Суворова, состоящем в селе Кончанске, покой, в котором оной господин генерал-порутчик просит дозволения устроить церковь» 7 мая 1786 г.

Боровичское духовное правление доносило, что «духовным правлением исполнение чинено и оказалось, что назначенные для церкви покои стоят на восток и близ его никаких к тому непристойностей не имеется, а при тех усмотрено, что реченный генерал-порутчик и кавалер А.В. Суворов уже церковь сооружать начал, коей построено уже до нижних полов. Она же, церковь, состоит против покоев в шестидесяти четырёх сажнях, а вышеозначенное его высокопревосходительства сельцо Кончанское в приходе имеется при церкви Рождества Богородицы, в Сопинском погосте, в коем сельце живущих крестьян

КУЛЬТУРА

находится 34 двора. От покоев его высокопревосходительства крестьянское строение отстоит в 34 сажнях». Наконец, в день 13 марта 1789 года церковь освятил по поручению С.-Петербургской походной его высокопреосвященства контро-ры священник Сила Тимофеев с приглашёнными из разных погостов Боровичского уезда четырьмя священниками. В тот же день Суворов просил епархиального архиерея направить в дьячки к новоосвящённой церкви шурина священника Тимофеева, дьячка Евдокима Яковлева. Таким образом, в день освящения церкви находился в Кончанском; он специально прибыл в далёкое имение, чтобы присутствовать на освящении храма... Священник Сила Тимофеев общал в контору, что церковь имеет благолепный вид и стараниями генерала Суворова снабжена всем необходимым.

В 1900 году Россия отмечала столетие со дня смерти полководца. В том году по приказу императора Николая II церковь перевезли в Петербург и установили неподалёку от ещё не открытого суворовского музея. В храме находился походный образ Суворова — Нерукотворный Спас, хранившийся с 1806 года в Новоиерусалимском Воскре-

сенском монастыре (монастырю эту святыню подарил сын полководца — Аркадий Александрович). В 1925 году церковь, которую полководец перестраивал своими руками, разобрали: Главнаука посчитала храм лишённым исторического значения...

В Кончанском же по образцу прежней деревянной церкви была выстроена новая, кирпичная. Современный Музей-заповедник Суворова в Кончанском донёс ту атмосферу до нашего времени. Мы как будто видим под низкими деревянными сводами набожного фельдмаршала и неутомимого сельского батюшку беседующих за чаем. Из Кончанского фельдмаршал пишет молодому Аркадию Александровичу Суворову, которого только недавно признал родным сыном. В чём же он наставляет его, мечтающего о славной военной карьере? В первую голову Суворов говорит о Боге: «Будь благонравен, последуй моим правилам... употребляй праздное время к просвещению себя в добродетелях, Господь Бог с тобою!». Дополняют и подтверждают рассказ отца Иоанна и воспоминания ундольского крестьянина Дмитрия Гавриловича Локтева, который в 94 года рассказал о своих детских годах. Село Ундол, стояв-

шее на старинном Владимирском тракте, ныне вошло в черты города Лакинска Владимирской области. В 1776 году владельцем старинного села, в котором было 300 душ мужеского полу, стал А.В. Суворов. У Суворова было немало собственности во Владимирской губернии. Кроме деревень, прилегавших к Ундоле, — сёла Кистыш, Дьяково, Трутнево. Ундольская усадьба была центром этих владений. Дом Суворова стоял на берегу речки Ундолки, неподалёку от церкви Казанской иконы Божьей Матери, построенной в XVII веке тогдашним хозяином усадьбы окольниковым Ф.В. Головиным. Из самых дальних краёв Суворов писал в Ундол, беспокоясь о сохранности храма. Церковный хор, набранный Суворовым из самых способных крестьян, был лучшим в области. В Ундоле Суворов построил и школу для крестьянских детишек, и крепостной театр, но не забывал позаботиться и о покупке псалтыря для смекалистого деревенского мальчишки. Своих актёров Суворов ценил: «Васька комиком хорош.

Но трагиком будет лучше Никитка. Только должно ему надо учиться выражению — что легко по запятым, точкам, двоеточиям, восклицательным и вопросы-

тельным знакам. В рифмах выйдет легко». Любил Суворов и птичье пение: в Ундоле устроили «птичью горницу», звучащую на все голоса. Птиц ловили крестьяне, нередко спасая их от голода и холода, а редкие экземпляры Суворов приобретал во Владимире и Москве. Старик Локтев говаривал о Суворове: «Именитый был человек, и выслуги его были большие, а от почёта бегал. Вотчина наша проводы ему хотела сделать и крашенный хлеб из Москвы достала, чтобы поднести ему на прощанье. Узнал он про это и уехал из села тайком, ночью... так ни с кем и не простился... Когда пошёл Суворов из Питера в турецкую кампанию, то писал к старикам сюда в вотчину и прощался с ними. Всё своё имение в Ундоле приказал продать, сбрую, лошадей, посуду и все деньги употребить на церковную утварь. При нём и каменный придел Сергию поставили. На хорошие дела денег не жалел и милостив был всегда». Управляющим в Ундоле был оставной прапорщик Михайла Иванович Поречнев. Ему Суворов и писал в непростую годину: «Ведай, что у меня денег нет; а долг есть и целый год я тратился на церкви. Чем меньше мы издержим по Ундо-

КУЛЬТУРА

лу, тем больше, по уплате долга, останется нам денег на тамошние ризы к Божией церкви. Вот тебе, Поречнев, вся загадка, и можешь это объявить священникам. Смотри строго за благонаравием, чтобы шалости все вывелись... Проси священников, чтобы и они тебе помогли. Им сделать рясы приличные, как у московских городских священников». Письма Суворова перестраиваются указаниями по ремонту и переустройству храмов, по закупке церковной утвари и благотворительной помощи священству. Казанская церковь в Ундоле стоит и сегодня, это — сокровенная святыня города Лакинска. В Лакинске нет суворовского музея. После 1945 года государство даже выделяло на это благое дело деньги, но открыть музей не удалось. В наши дни лакинские энтузиасты собирают материалы для будущего суворовского мемориала, проводят Суворовские чтения.

Искренне и благоговейно почитают память Суворова и в Воскресенском Ново-Иерусалимском монастыре. Суворовы и Прозоровские с давних пор помогали истринскому братству. Здесь похоронены Варвара Ивановна Суворова и единственный сын полководца — генерал-майор Аркадий Александрович. Он

погиб в реке Рымник, спасая упавшего в реку кучера... Погиб в 1811 году, двадцати семи лет, погиб, не дожив до Отечественной войны. А.А. Суворов завещал Воскресенскому монастырю многие семейные реликвии. Много трудов положил на возрождение суворовского духовного наследия архимандрит Леонид (Кавелин) (1822–1891), настоятель Воскресенского монастыря. Как историк церкви, архимандрит Леонид придавал большое значение биографиям великих людей России, известных глубокой верой.

В военной истории и в истории русской православной церкви останется подвиг Святых Отцов — боевых соратников Суворова. Армейские священники шли в бой в самые критические часы больших баталий. При Екатерине Великой, во многом благодаря рапортам Суворова и Потёмкина, священнослужителей стали награждать боевыми наградами. Всякому, кто читал измаильский рапорт Суворова, запоминается героический эпизод: «Полоцкого пешотного полка священник Трофим Куцинский во время штурма Измаильского, ободряя солдат к храброму с неприятелем бою, предшествовал им в самом жестоком сражении. Крест Госпо-

день, который он, яко знамение победы для воинов, носил в руках, пробит был двумя пулями. Уважая таковую его неустрашимость и усердие, осмеливаюсь просить о пожаловании ему креста на шею». Отец Трофим был не единственным священником, награждённым за штурм Измаила. Воистину прав был Суворов, повторяя: «На такой штурм можно пойти только раз в жизни». Ощущение значительности подвига от Суворова передавалось солдатам и священникам, которые, в свою очередь, благословляли своего генерала...

В «науке побеждать» религиозность Суворова выразилась с исчерпывающей полнотой. Этот памятник военной мысли свидетельствует и о глубоком религиозном чувстве российского воинства XVIII века. Суворовская наука пронизана верой в победу, если защита Отечества становится боговдохновенным творчеством: «Умирай за Дом Богородицы, за Матушку, за Пресветлейший Дом! Церковь Бога молит. Кто остался жив, тому честь и слава!». И после такой проповеди — азы солдатской науки: «Солдату надлежит быть здорову, храбру, твёрду, решиму, правдиву, благочестиву. Молись Богу! От Него победа! Чудо-богатыри! Бог нас водит,

Он нам генерал!». Удивительно, но парафразис этих слов вошёл в классический советский кинофильм о Суворове, созданный хотя и не во время жестоких гонений на Церковь, но всё-таки «при диалектическом материализме». Но об этом кинофильме мы ещё поговорим подробнее.

Суворов, как никто другой, был под стать своим воинам — «слуга царю, отец солдатам». К Суворову можно отнести и слова английского мыслителя Томаса Карлейля: «Великий человек есть живой источник света, быть вблизи которого — особое наслаждение». Воины накрепко запомнили свет, исходивший от Суворова. Для наставлений солдатам он находил простые слова и яркие образы, западавшие в память. И всегда пробуждал в воинстве религиозное чувство — например, перед сражением с республиканцами: «Французы — нарушители общей тишины и враги общего спокойствия. Французы отвергли Христа Спасителя, они попрали законное правительство. Страшитесь их разврата!.. Вы были счастливы верой — храните её. Дорожите совестью своей: да не упрекнёт она вас в том, что вы были сопутниками утеснителей веры и прав народных. Бегите от лжеучителей». По-

КУЛЬТУРА

жалуй, эти слова Суворов мог адресовать и солдатам, и генералам, и обывателям... Как человек, искренне убеждённый в своей правоте, Суворов не боялся повториться.

Православная душа Суворова выражалась едва ли не в каждом деянии полководца — и мы не ограничим разговор о Суворове-богомольце пределами одной главы. Культура Суворова — культура православная, в которой высоко ценились искренность и человечность: «Я тот же, дух не потерял. Обманет меня всякий в своём интересе, надобна кому моя последняя рубашка, ему её отдам, останусь нагой. Чрез то я ещё не мал». Действительно, Суворова можно было обмануть; не раз он запутывался в хитросплетениях придворной политики. Но сломить, победить Суворова не удавалось никому. Слишком силен был в нём православный стержень, помогавший полководцу обнаруживать величие духа.

Суворов говаривал: «Никогда самолюбие, чаще всего порождаемое мгновенным порывом, не управляло моими действиями, и я забывал себя, когда дело шло о пользе Отечества... Жизнь моя была суровая школа, но нравы невинные и природное великодушие облегчали мои труды: чувства мои были свободны, а сам я твёрд». Это чистая правда, искренний самоанализ, но в то же время великий полководец не был лишён честолюбия. Нередко раскаивался в этом грехе — и снова томился от несправедливости, жаждал наград и побед, мечтал о земном признании... Знал и силу обид, и силу очистительного раскаяния. «Долго гонялся я за славой — всё мечта, покой души — у Престола Всевышнего».

В Александро-Невской лавре, в нижней Благовещенской церкви, у левого клироса, на могильной плите выбита самая известная из русских эпитафий: «Здесь лежит Суворов».